

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 43

1979

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1979

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

Александр Иванович Коваль-Волков родился в 1926 году в городе Ростове-на-Дону. Сын погибшего комиссара стрелкового батальона, он в 1943 году добровольно из 10-го класса ушел в Советскую Армию. Младшим сержантом в составе штурмового авиаполка участвовал в боях за Варшаву и Берлин.

После войны А. Коваль-Волков учится в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и по окончании ее работает военным журналистом в газете «Советская авиация» и журнале «Советский воин».

Поэт пишет о подвиге павших и живых, воспевает Родину, труд солдата, дружбу и любовь. Его перу принадлежат поэтические сборники и книги: «Высота» (1959), «Заря на крыльях» (1961), «Зенит» (1963), «Дежурный по звездам» (1966), «Обманчивая тишина», (1968), «Иду на голоса» (1970), «Эхо моих тревог» (1971), «Чаша неба» (1970), «Моя родословная» (1973), «Круги жизни» (1974), «Кровная нить» (1975), «Про тебя» (1976) и «Добрый свет» (1977).

А. Коваль-Волков — член КПСС с 1946 года, член Союза писателей СССР.

МОИ БЕРЕЗЫ

Я с детства в празднике берез
В моем краю заречном.
Спасибо вам, что я возрос
В свеченье вашем вечном.

Вы, землю кровную любя,
Из всех времен далеких
Вобрали доброе в себя
На пройденных дорогах.

Ваш добрый свет не загасить,
Не расплескать веками,
Я счастлив, что живая нить
Меня связала с вами.

Я вашу солнечность пронес
Сквозь радости и горе,
Вы, верно, из осколков звезд
Взошли в российских зорях.

Высокий полдень мой храня
В движении планеты,
Вы наполняете меня
Своим надежным светом.

* * *

Я уважаю самого себя:
Все умерло, что сердце тяготило.
Земля моя, ты мне вернула силы.
Тебя одну в самом себе любя,
Я уважаю самого себя.

Я уважаю самого себя,
Сумев постичь твой образ жизни строгий,
Твоей судьбы вершины и тревоги.
С тобой одной ликуя и скорбя,
Я уважаю самого себя.

Я уважаю самого себя,
И если я теперь чего-то стою,
Всё потому, что жил одной тобою.
Я уважаю самого себя
И в каждой песне славлю лишь Тебя...

НОСИТЕ ОРДЕНА

Носите ордена! Они вам за Победу,
За раны ваши честные даны.
Носите ордена, в них теплятся рассветы,
Что отстояли вы в окопах той войны.

Носите ордена! Вы можете гордиться:
Над сорок первым мощь ракет встает.
Носите ордена, в них, как живые, лица
Солдат, что крепко спят в земле который год...

Носите ордена и в праздники и в будни
На строгих кителях и модных пиджаках.
Носите ордена, чтоб видели вас люди,
Вас,
Вынесших войну
На собственных плечах...

ЗОРКОСТЬ

От фронтовых незыблемых побед —
В них жизнь отцов и отрочество наше —
Умчало время вереницу лет,
И ныне мы отцов погибших старше.

И, вечно возвращаясь в боль тех дней,
Сыновье сердце, зоркое в печали,
Высвечивает новые детали,
Отцовский подвиг делая видней...

Михаилу Львову

Едва зарю пробьют над миром
Куранты звездной стороны,
Встают бойцы и командиры,
Что так и не пришли с войны.

Они встают с полей Европы,
Из глубины земли родной.
Покинув доты и окопы,
Солдаты держат путь домой.

Идут поротно и повзводно,
Полки и армии идут,
Из небывалого похода
В любой семье солдата ждут.

Непосрамленные знамена
Плывут под ровный стук сердец...
Там комиссаром батальона
Шагает где-то мой отец...

Пылит неблизкая дорога
От бед тяжелых до побед.
Солдатам лет совсем немного,
И смерти не было и нет...

ЗНАМЯ

В снегу, коленопреклоненный,
Строй перед знаменем застыл.
Луч слабый фары затененной
Гвардейцев лица осветил.

И на дыхании едином,
Хоть он от Волги воевал,—
Негромко, вслед за командиром,
Полк клятву знамени давал...

А поутру чеканным строем,
Вздывая снег из-под крыла,
За Вислу, в небо фронтовое,
Стальная гвардия пошла.

...Мое ты, знамя полковое!
Мальчишкою в семнадцать лет
Я был впервые перед боем
Твоею славою согрет...

РУДА

Над Иртышом село Глубокое.
Заря в снега заметена...
Сюда железною дорогою
Меня доставила война.

Всего четырнадцать мне было,
А я уж топал на плацу,
И тяготился жизнью тыла,
И помышлял удрать к отцу.

Меня за парту посадили.
Лишь в воскресенье, в день работ,
Нас, как на праздник, приводили
На огнедышащий завод.

Руда — ты подыми, попробуй! —
Сверкала в кряжистых мешках...
Мы, слабые, в отцовских робах
Ее таскали на руках.

Мы ничего не получали
За дни воскресного труда,
И все-таки те дни сверкали,
Как та богатая руда.

Откуда только брали силы!
И неспроста казалось нам,
Что там, на фронте, легче было
Тогда живым еще отцам.

Потом на Висле, под Варшавой,
Я часто вспоминал завод,
Крутой Иртыш за снежной лавой
И солнца зимнего восход...

И если трудно вдруг бывало
Кому-то на краю беды,
Мое плечо не уставало
Нести двойной мешок руды.

* *
* *

Я томик Пушкина с собою
Возил в солдатском вещмешке.
Стихи читали перед боем,
В тени крыла накоротке.

Тумана солнечная роздымь
Плыла над самой головой...
С собой мы уносили в воздух
Самой России дух живой.

Стальной крылатою волною,
Винтами-дисками горя,
Мы уходили в пекло боя,
Как тридцать три богатыря!

...Он стал далеким, сорок пятый,
Хранят высоты нашу честь.
А я все помню вас, ребята,—
В вас что-то пушкинское есть.

И пусть за дальнею границей
Тех лет остыла полоса...
Листаю Пушкина страницы
И слышу ваши голоса.

МОЙ ПОЛК

Авиаторам родного полка

Через года над континентами
Из тех времен, где бой не смолк,
Плывет, овеванный легендами,
Мой штурмовой гвардейский полк.

Мой боевой, наименованный,
Он всех дорожке для меня.
От всех снарядов заколдована
Его уральская броня.

Позскадрильно на задание
Идет сквозь бездну высоты,
Ревут, срезая расстояния,
Крутыми дисками винты.

И грозно на знамена алые
Равняют экипажи строй.
Здесь те, что стали генералами,
И те, что спят в земле сырой.

Их много... Звездами отмечены
И не отмечены никак —
Они в сердцах увековечены
Суровой памятью атак.

Передо мною лица строгие
За бронестеклами кабин,
Какими вы ушли дорогами
Сквозь пламя тех лихих годин?..

И ныне рядом с вами, асами,
Пронзает юность небосвод...
Летит мой полк высокой трассою,
И не кончается полет!

ВОСЬМОЕ МАЯ

В. Красильникову

Восьмое мая... Сорок пятый год.
Пылает флаг над куполом рейхстага.
А мы прикрыли с неба Злату Прагу.
Дунай — в огне: еще война идет.

Дивизия отвагой всех полков
Ударит по фашистам на рассвете...
Сквозь ветви свет луны роняет ветер
На спящие винты штурмовиков.

И нам не спится. В воздухе весна.
А кто-то не вернется из полета...
Мечты и напряженные высоты
Сковала фронтовая тишина.

И вдруг в зенит взметнулась грива трасс,
И волны нарастающего грома
Ударили в лицо аэродрома,
Как будто бы вселенная зажглась.

И мы, еще всего не осознав,
Уже дышали воздухом Победы
И в небо разряжали пистолеты,
Ее приходу должное воздав...

ВЛТАВА

Подполковнику Яну Червены

Влтава, ты степного нрава,
Вся славянская сама,
Вдоль чарующей оправой
Златой Праги терема.

И дома, и сень бульваров,
Парапеты над волной,
И мечтательные пары
Бродят, бредят тишиной.

Улицы всплывают броско
В раму каждого моста,
Голубые перекрестки,
Доброй памяти места.

Льются воды величаво,
В них зеркально, налегке,
С высоты плывут Градчаны,
Словно Кремль в Москве-реке.

Где-то здесь, прервав погоню,
В том стремительном бою,
Медленно донские кони
Пили влтавскую струю.

Здесь друзья мои и братья,
Чистоту сердец храня,
Богатырские объятья
Распахнули для меня.

Честь по чести, к славе слава,
Из веков и — на века.
Влтава — песенного нрава,
Вся славянская река...

МЕНЯ ПРИНИМАЛИ В ПАРТИЮ

Меня принимали в партию
В полуразрушенном храме.
Кругом восседала гвардия,
Увешанная орденами.

Только с небесной дороги,
Штурмовики — краса! —
Сидели ребята, как боги,
С улыбкою неба в глазах.

Друзья мои боевые,
За вами, шагнув через мрак,
Встали ребята живые,
Что не пришли из атак.

Словно на новом старте я.
Еще не остыла броня.
Глазами вашими Партия
Вглядывается в меня.

Не задает вопросов,
Ведь я у всех на виду,
Восемнадцатилетний, русоволосый,
С вами в огонь иду.

За отца — комиссара.
Каждый осмыслен шаг...
Рекомендации легендарные
Секретарь сжимает в руках.

Одна — от Комсомола.
Две — от лихих бойцов.
Радость сдавила горло.
Румянец зажег лицо.

И Армии репутация
Озарила мои дела —
Ведь главную рекомендацию
Мне наша Победа дала!

НАД ЭЛЬБОЙ

Высоты напряженные вокруг.
Плывут, над Эльбой нависая, скалы,
С них сходит солнце, словно с пьедестала,—
Я чувствую, как луч его упруг.

И пихты, накрены свои вершины,
Светило держат в лапах над долиной,
И мерно, вспоминая звон пилы,
Поскрипывают мудрые стволы.

А Эльба кружит, крутит берега,
За ней леса, окутанные дымкой,
Всплывают городки, как на картинке,
И надо всем — как память — облака...

Вдыхаю неба вечного покой,
Что надо мною всем ветрам открыто,
И хмурят лбы в раздумии граниты
Над Эльбою — холодною рекой.

ДРОВА

Ярославу Смелякову

Меня учили понимать
Поэзию труда.
Бывало, только скажет мать:
«Сынок, поди сюда,

Возьми за печкою топор
И наколи дровец»,—
И я стрелой летел во двор,
Я по дровам был спец.

Я кряж заиндевелый брал,
Сучкам наперекор,
И, на ладони поплевав,
Вгонял в него топор.

А после — клин, за ним — второй
В тугую щель входил.
Кряж напрягался под корой,
Себя я не щадил.

И в дело каждое сполна
Я вкладывал свой пыл...
Вторую зиму шла война —
Я в доме старшим был.

БАЛЛАДА О ТОЧИЛЬЩИКЕ И МЕЧТЕ

Точильщик, мой старинный друг,
Я помню твой точильный круг.
Я вижу, как над ним дрожа,
Струится лезвие ножа —
И распаляется гранит,
Косыми вспышками облит.
Я им ладони представлял,
Я в пригоршни их собирал...
Все веселей вращался круг,
И из твоих волшебных рук
Плыла ракета над землей,
Сноп рассыпая огневой.
Ты улыбался, а рука
Ракету гладила слегка.
Ракета плавилась рекой.
Я восторгался той рукой
И за станок вставал с тобой.
И искры стежкой голубой
Из-под руки взметались вверх.
В тот миг я был счастливей всех:
Я никого не замечал,
Я в небо звезды запускал...
Точильщик, мой старинный друг,
Мечты растут из добрых рук...

* * *

В широкой степи под Ростовом,
Обид на людей не тая,
В могилке на кладбище новом
Спит мама, голубка моя.

Ей выпала трудная доля:
Остаться солдатской вдовой,
В пехоте по бранному полю
Шагать медицинской сестрой.

Быть матерью сына-солдата.
На фронте ждать писем с войны.
Носить возле сердца утраты
Нелегкой родной стороны.

А после войны окаянной,
Не выплакав собственных слез,
Чужие душевные раны
Ей долго лечить довелось...

Единственной кроткой надеждой
Она напряженно жила:
Года отрешенно и нежно
Погибшее счастье ждала.

Да только чудес не бывало.
И те миллионы солдат,
Которых любовь ожидала,
С войны не вернулись назад.

Тогда-то, красой не остылой,
Без милого жить ни к чему,
Она как-то вся зашепила
В былое, навстречу к нему...

Меж Доном-рекой и Самбеком,
Я вижу, бредут при луне
Два близких моих человека,
И нет им дороги ко мне.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Материнское сердце большое,
Как подольше тебя сохранить...
Мне теперь не вернуться в былое
И от боли тебя не укрыть...

В сердце наше, еще до рожденья,
До явленья тревог и обид,
Входит с первым робким биеньем
Материнского сердца ритм.

Мать взамен ничего не попросит.
И, сойдя с самых верных рук,
Каждый в сердце своем уносит
Беззаветного сердца стук.

В дни печали и вдохновенья
И когда закружит весна —
Материнским сердцебиеньем
Наша жизнь до краев полна.

Как ценить надо эти седины,
И за век не всякий поймет...
Где-то пуля, летящая в сына,
Прежде матери сердце найдет...

ДОНУ

* * *

Тебя я столько лет не видел,
Мой Тихий Дон, моя река.
И ты, я знаю, не в обиде
За этот грех на земляка.

Ты, помню, бурным половодьем
До хуторов скрывал луга,
И в плоскодонке, как сегодня,
Твои искал я берега.

Во мне твои бродили звуки,
Манила кипень глубины.
На стрежне запускал я руки
В курчавый чуб твоей волны.

Я честь в бою не опорочил,
Чужие реки одолев.
На них я слышал днем и ночью
Свободных волн твоих напев.

И верил: рано или поздно
Твои увижу берега.
И вот я снова пью твой воздух,
Мой Тихий Дон, моя река.

* * *

В тиши предрассветного часа
К твоей припаду я волне,
И око скорбящего Спаса
Блеснет в отраженной луне,

Раскатисто грянут подковы —
И воинства русского строй
На поле твое Куликово
Выходит, омытый тобой.

Хоругви — до самой Непрядвы.
В бессмертье готовы полки:
Резервный, Большой и Засадный,
И Левой и Правой руки.

И витязей Сторожевого
Великий приветствует князь,
И молвит задумчиво слово:
«Несметная сила сошлась...»

Стоят те полки, не робея.
За Доном земли для них нет. —
Исход предрешив, Пересвет
Пронзает копьем Челубея.

И Русь, как единая воля,
Обрушила гнева века...
Мой Дон, Куликовое поле
Не зря ты носил на руках.

Ты, вещий, наверное, ведал,
На тесном на нем в нужный год
Народ завоеует победу
И князя Донским наречет.

Ты поле и холил и прятал
До самой заветной поры
И даже не знала Непрядва,
Что здесь застучат топоры

И рухнет кровавое иго...
Ты силу Руси всей исторг.
Не зря у Москвы солнцеликой
Прозрел твой исток, как росток...

Мой вольный, мой грозный, мой синий,
С рожденья тобой причащен —
Целебною славой России
Храним я в потоке времен...

Светает. Я снова и снова
К твоей припадаю волне,
И поле твое Куликово
Бессмертно восходит во мне.

* * *

Ты, как радуга детства, слепи мне глаза,
Но разлукой меня не кори:
До сих пор бригантины твоей паруса
Озаряют меня изнутри.

Вот она: ветер в солнечных вантах гудит.
Алый флаг — в развороте крутом.
И высокие мачты уходят в зенит.
И вода, как лазурь, за бортом.

Бригантина... Ее нелегко сохранить,
Хоть и даль горизонтов светла.
Это счастье, когда путеводная нить
И любовь не сгорают дотла.

Под обрывом камыш ловит голос волны.
Веет волглой прохладой песка.
Я смотрю в твою синь, и сиротские сны
Проплывают в провале виска.

Но, размыв отражение, ты смыл мою грусть.
Зачерпнув стылой влаги в ладонь,
Вновь губами к твоей чистоте прикоснусь,
И по жилам польется огонь.

И зажгутся в твоей глубине облака,
Словно буйная грива коня...
Ты течешь в моей жизни не годы — века.
Хорошо, что ты есть у меня.

ПАЛАТНАЯ СЕСТРА

Она, как добрая богиня,
В палату к смертному сошла,
Прикрыв халатом два крыла
В стерильной госпитальной стыни.

Остановилась в изголовье
И наклонилась надо мной.
Над болью кроткою любовью
Зажегся взгляд ее земной.

Ресницы вскинутыеплыли
Вдоль глубины бессонных глаз.
Я в них смотрел. И без усилий
Мне мера мук моих далась.

В любовь поверив неоглядно,
Я после понял, что она
Была родной сестрой палатной,
На всех нас, страждущих,— одна...

* * *

Игорю Долгополову

В музее на Волхонке нынче праздник:
Столица принимает Мону Лизу.
Сам мастер над картиною склонился.
Вот бережно извлек ее из рамы
И ощутил тепло знакомых линий,
Движение полутонов и теней,
Живое выражение лица:
Спокойствие провидящего взора.
Чуть улыбающийся рот любимой,
Оттенки разных чувств и настроений...
И пальцы Леонардо трепетали:
Перебирая паутинку трещин —

Их длань веков на краски наложила
Лучинками морщин едва приметных, —
Он вдруг увидел женщину, с которой
Так радостно писал свою Джоконду...
Смотрел он долго на нее и думал
О верности, что окрыляет сердце,
Ее не одолела мгла столетий.
Она, неповторимая Джоконда,
Обворожит людей любой эпохи:
Лучу его любви лететь сквозь время,
И перед ним, он знал, бессильна вечность.
И не ошибся.

* * *

Ты кроткой нежностью вошла
В меня в то самое мгновенье,
Когда сама в свое явленье
Еще поверить не могла.

Какой неповторимый рок,
Все, все предвидя, не иначе,
Нас друг для друга предназначил
И в жизни встретиться помог?

Когда зажглась и зазвучала
В моей любви любовь твоя?
Где кроется ее начало? —
Извечна тайна бытия.

* * *

С годами ты все та же. И другая:
Глаза, улыбка, полный ласки взгляд.
Я пред тобой ни в чем не виноват,
Хоть мысленно порой себя ругаю.

За что? За то, что не всегда ценил
Осмысленную преданность мгновенья,
Любви твоей тепло и откровенье
Как должное в душе своей носил.

* * *

Ты стала женственнее, строже.
И я не знаю, почему,
Но только ближе и дороже
Теперь ты сердцу моему.

Что изменилось? Ничего:
Взаимность прежнюю встречая —
Порою счастья своего
Счастливые не замечают...

* * *

С твоей очаровательной аллеи,
Когда вокруг так сладко спит земля,
Стволами перламутрово белея,
Восходят прямо к звездам тополя.

Вращением вершин пирамидальных
Незримый раздвигая небосвод,
Над бездною влекущей, изначальной,
Они вершат свободный свой полет,

И там, где звезды меркнут утомленно,
Свечением листвы оттенена,
Вдоль кромки крон, рельефно и бессонно,
Бездонная чернеет глубина.

Из недр ее галактик рвется пламя,
Стремясь мрак бездны светом превозмочь.
И мы с тобой летим под тополями.
И нас неслышно обтекает ночь...

ЧАША НЕБА

Как чашу, небо я держу в руках,
Оно восходит в горизонтах света.
Причудливые кони-облака
Несутся вскачь, раскинув гривы ветра.

Лучи светила строят терема,
Прозрачные меняя очертанья.
Зигзаги молний, обогнав грома,
Возводят арку радуги в сиянье...

Кружат снега. Дожди несут озон.
Над шапкой ледяной земного шара
Сиянье севера сверкает холодным жаром,
Пульсирует в глаза со всех сторон.

А там — галактик выгнутый зенит,
И Млечный Путь — что след иной ракеты.
И небо в синем зеркале хранит
Движение закатов и рассветов...

О чаша неба — здесь мелки слова —
Ты кубок вдохновенья для пилота:
Пригублю только — кругом голова
И сердце рвется в новые полеты...

НАМ ГОТОВНОСТЬ

Нам готовность спозаранку.
Это решено.
Самолет мой на стоянке
Ждет меня давно.

Через все меридианы
Курс проляжет наш.
Ты мне завтра, рано-рано,
Шлемофон подашь.

И обнимешь на прощанье,
Слез не оброня.
И поглотят расстоянья
Дальние меня.

И, турбинами продукты,
В споре с высотой
Просвилятся мои маршруты
Сбывшейся мечтой.

Голубому океану
Равных в мире нет.
Будут вьюги и туманы
Хоронить мой след.

Будут бури всей планеты
Глохнуть подо мной...
На судьбу мою не сетуй,
Ей не быть иной.

И пока еще дорога
В думах у меня,
Посидим с тобой немного,
Тихо, без огня,

Чтобы там, во власти ночи,
В бездне ледяной,
Был мой путь к тебе короче...
Посиди со мной.

* * *

Друзья мои — счастливые поэты —
Безвездно верны родным местам,
Которые их песнею воспеты,
Я в этом не завидую друзьям.

Я сам в походах вспоминал проселки,
Тоскуя по родимой стороне.
О Доне грезил горестно и долго.
Клинком отцовским он горел во мне.

Легли в семнадцать первые погоны.
Песчинка в поколении моем,
Я осознал себя, юнец зеленый,
На Висле, в наступленье, под огнем.

А после служба наша боевая,
Она меня носила по стране.
Тогда-то степь великого Абая
Красою дикой проросла во мне.

И Рига — удивительная книга —
Мне многое сумела преподать.
Душевная, что праздник песни «Лиго»,
Я и о ней не вправе умолчать.

Зеленая красавица Одесса
Мне уступила девушку одну...
Спросите Молдаванку и Пересыпь:
У той весны остался я в плену.

С мохнатой сопки в дебрях Сахалина
Мой первенец увидел белый свет.
Я службу нес на рубежах орлиных —
Суровее и ярче края нет.

Над островом идешь, клубится трасса,
И в дымке за проливом материк.
Охотский берег — не охватишь глазом,
И Сахалин, что кит: хребет-плавник

Легко взрезает пелену тумана.
В волну, под солнце, стряхивая сон,
Плывет мой кит по гребням океана,
Курильским ожерельем окаймлен...

Люблю мой Дон — да разве в этом дело? —
Отцовский кров немислимо забыть,
Но те края, где служба пролетела,
Солдат уже не в силах разлюбить...

ГАГАРИН

По-русски скромн и бесстрашен,
Проверив мощь ракетных сил,
Он шар земной и неба чашу
В свои объятья заключил

И первым вышел на орбиту.
И всей живой земли краса
Его глазами деловито
Взглянула космосу в глаза.

Тот взор его все наши взоры
На мир, который он открыл,
И на родимые просторы
Прозреньем новым наделил.

С тех пор все думы и свершенья
Пожизненных и звездных трасс
Озарены его прозреньем
И греют каждого из нас.

* * *

*В горах мое сердце,
А сам я — внизу...*

Роберт Бернс

Когда последний закруглен виток,
Так хорошо сойти на Землю снова
И окунуться после всех тревог
В живую красоту всего земного.

Галактика в свечение звездных трасс.
Нам на нее глядеть не наглядеться.
Но, поднимаясь в небо, всякий раз
Своей Земле мы оставляем сердце.

НАД СИВАШОМ

Героям 15-й Сивашской дивизии

Машина режет мглу над Сивашом,
И волны, тихо стряхивая пену,
От горизонта всходят под крылом,
Одетые в буденновские шлемы.

Я всматриваюсь: то богатыри
Встают из волн и, полыхнув штыками,
Идут на Крым по золоту зари,
И только соль скрипит под сапогами.

Во все концы распахивает степь
Свои дороги перед ними настезь.
Они идут, как шли. За цепью — цепь.
Над ними время не имеет власти...

* * *

*Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна...*

Н. М. Языков

Вдалеке над лиловым закатом,
По размытой лучами лазури,
Всё кружат силуэты крылатых,
Словно листья, поднятые бурей.

Это чайки над морем, как тени,
В широте между мглой и светом
Вереницей безмолвных видений
Все скользят и скользят над планетой.

Вот край диска волна поглотила,
Червоня густой позолотой,
Чтобы видеть дневное светило —
Чайки выше восходят в высоты...

Вечны звездного космоса узы.
Обоюдны законы движенья...
А душа с неподдельною грустью
Гордых птиц повторяет скольжение...

* * *

Облака бредут над Апшероном
Вереницей сумрачных громад.
В вышине, грозой испепеленной,
Чайки беспокойные кричат.

Чайкам надоела непогода,
И они изогнутым крылом
Режут взбудораженную воду
И летят, летят за волнолом.

Чайки, чайки, белых молний стая,
Что вам расстояний холода, —
Над гремящим морем подрастая,
С небом вы сроднились навсегда.

Мне бы крылья, я умчал бы к дому,
Там зима в сиреневых снегах.
Из лесу тропинкою знакомой
Лось луну выносит на рогах.

Человеку нужно так немного —
Свой родной переступить порог,
Только дом мой далеко-далёко...
Только море буйствует у ног.

ХРУПКОСТЬ

Неба опрокинутая чаша,
В тусклой мгле теряются края,
Ледника стеклянная струя
Держит поплавок луны над кряжем.

На нее косматых туч отару
Изредка нагонит ветерок
И уйдет за горы, без дорог,
Всплесками покрыв экран радара.

Неба чаша и луна немая,
Тишина, такая тишина...
Только мы, солдаты, понимаем,
До чего же хрупкая она.

* * *

Низко кланяюсь вам,
Небо, солнце и утренний ветер.
Вас, мой тополя, не забыть мне, пока я живу.
Этот лепет листвы в вечном солнце и небе
Так светел,
Вновь душой беспокойной внимаю его торжеству:
Здесь стоял мой отец.
На вокзал отправлялась бригада.
Мы обнялись. И все. Тополя обступили меня.
До сих пор предо мной
Строй за строем проходят солдаты
По проспекту Буденного, в солнце июньского дня...

ТРИПТИХ

* * *

Ивану Стаднюку

Бульвары протянулись по-над Доном.
По-прежнему так солнечны они.
Ветвятся тропки по заросшим склонам,
Из прошлого взбегая в наши дни.

Держу те тропки будто на ладони,
Одна из них какая-то моя,
Наверно та, что в цепких травах тонет,
Мои следы веселые тая.

По ней к волне, вихрастый, босоногий,
С ребятами я скатывался вниз,
Приветствуя и Дон мой и дороги,
Что в голубом заречье разбрелись...

Не робкими росли мы с малолетства,
В четырнадцать так радостно жилось.
Война оборвала тропинки детства,
И нам шагнуть под пули довелось...

Стою на левом берегу пологом,
Где часто я с ребятами стоял.
Тропинки наши выросли в дороги,
Хоть я на фронте многих потерял...

* * *

С мальчишеских лет неумных
Тебя повстречать я мечтал.
Тобою, совсем незнакомой,
Я преданно жил и дышал.

Когда я, раздвинув пределы,
Летел в измеренье ином,
Казалось, ты рядом летела
Со мной в корабле неземном.

Когда я скульптуру Паллады
В саду городском рисовал,
С богиней афинскою рядом
Пленительный образ стоял.

Ко мне ты шагала из песен
Моих пионерских костров,
И был так безоблачно честен
Наш мир, где царила любовь.

И я совершенно не ведал,
Что, прежде чем встречу тебя,

Пройду сквозь войну до Победы,
Безвестный твой образ любя...

И служба путем незнакомым
Меня навсегда уведет
От Дона и отчего дома,
Где тополь шумит у ворот...

* * *

Николаю Доризо

К себе возвратился я снова.
Как в том довоенном году —
Иду не спеша по Ростову,
По городу детства иду.

И, верно, один я заметил,
Что мне и пятнадцати нет,
А город просторен и светел,
Как память мальчишеских лет.

И мне всё, как прежде, знакомо:
Большой пионерский дворец,
Бессонное зданье райкома,
В котором работал отец.

К нему загляну непременно.
На время оставив дела,
Отец в гимнастерке военной
Навстречу шагнет от стола.

Еще впереди все победы
И фронт, где останется он,
Еще формируется где-то
Стрелковый его батальон...

Счастливая школа задорно
Мне свой посылает привет,
Гремят пионерские горны,
Равняет шеренги рассвет.

Качается остров Зеленый
В донской набежавшей волне,
И роща ко мне просветленно
Выходит на той стороне.

Ты, роща, посажена, знаю,
Когда-то руками отцов.
Ты сыну поможешь, родная,
Отца отыскать деревцо...

И дом наш в акациях белых
Семейной любовью храним,
И я во дворе оробелый
Мальчишкой стою перед ним.

И сердце, любя и страдая,
Стучит, никого не вина,
И мама совсем молодая
К себе прижимает меня...

БЕЛАЯ ВЕСНА

* * *

Я уходил от самого себя,
Я уходил в свой лес, и там береза
Меня безмолвьем белым врачевала.
Я припадал к ее стволу щекою —
И белая весна лилась мне в душу.
И трепетно листва, как кисть руки,
Совсем неслышно жар со лба снимала.

* * *

Лежу на малахитовой траве
И слушаю кузнечиков лесных.
Они куют на тонких наковальнях
Звонящие лучинки тишины.
А может, это грезы поздних звезд
Упали на поляну на заре,
И добрые кузнечики куют
Осколки их, горящие в росе.
А может, облака, что надо мной
Повисли, как пришельцев корабли,
Из синевы роняют солнца медь
На наковальни, скрытые в траве...
Светлеет облик лип и тополей,
Вплывая в мир целебной тишины.
Его с утра кузнечики куют,
Кузнечики — земные ковали...

* * *

Ручей мой так прозрачен и широк...
На всем пути своем, среди листвы,
Несет он небо ясное в ладонях.
Зеркален бег его скользящих вод.
И я в него, как в зеркало, смотрю
И вижу там себя, свои глаза,
Былое, что в морщинках залегло.
И кажется порой: вот загляну —
И будущее в нем мое всплывет.
В кристальной проясненной струе
Оно взойдет из глубины ручья,
И я ему ничуть не удивлюсь:
Ручей впадает в Волгу, он — провидец...

* * *

Вы, звезды, вечный символ чистоты.
Когда ваш ровный свет наполнит лес,
И кроны серебром воспламенит,
И каждую травинку подожжет,
Когда стволы берез, вобрав в себя
Сиянье фосфорических лучей,
Преобразят свеченьем полумглу, —
Я чувствую в себе ваш ровный свет,
Свою причастность к вашей чистоте,
Что озарила всё вокруг меня...

* * *

Дятел на медной сосне, у которой
Синью небесной полна голова,
Сук без коры отыскал прошлогодний.
Сук, расщепленный вечерней звездой.
Ливнем стозвонным промыт на рассвете,
Вихрем веселым и знойным продут,
Сук зазвучал, переполненный солнцем.
Трель полилась широко и призывно:
Жили в ней сказки ликующих капель,
Дисканты ветра и радуги неба
С солнечным зовом и шепотом звезд...
Дятел на собственном сердце играл...

Вдоль тропки, по которой я иду,
Ажурных одуванчиков шары
Качаются на длинных стебельках.
Их мудрая природа соткала
Из тонких парашютных куполов,
Несущих в паутине крепких строп
Литые наконечники семян.

Какое совершенство гибких сфер,
Отточенность и легкость линий всех...—
Как будто бы античный ювелир
Полет мечты на миг остановил...
Обдует ветер золотистый шар,
Исчезнет чудо хрупкое, как мир,
Чтоб перед солнцем возродиться вновь
И шар земной бессчетно повторить...

КРУГИ ЖИЗНИ

Как под корою дерева круги
От сердцевины множатся с годами —
Так жизнь моя расходится кругами,
Меня невольно делая другим.
За кругом больший начиная круг,
Она все клетки, словно в древесине,
Пронизывает сетью нервных линий,
Чтоб круг былой в идущем не потух.
Чтоб, от себя сквозь годы уходя,
И там себя встречая обновленным,
Я чувствовал душою обнаженной,
Как в детстве, радость майского дождя,
Как в юности, тот, самый первый, бой,
И мамину печаль, и вдовью долю,
Зов неба и донских степей раздолье,
И вечный свет России над собой.
Чтоб мужеством всех пройденных кругов
Служить ей, жизни, на переднем крае,
Тревоги века сердцем постигая
В непримиримой схватке двух миров.
Я, как на фронте, присягаю ей
За то, что жребий мой благословляет
И жизнь отца во мне оберегает,
Как сердцевину совести моей...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мои березы	3
«Я уважаю самого себя...»	3
Носите ордена	4
Зоркость	4
«Едва зарю пробьют над миром...»	5
Знамя	5
Руда	6
«Я томик Пушкина с собою...»	7
Мой полк	7
Восьмое мая	8
Влтава	9
Меня принимали в партию	10
Над Эльбой	11
Дрова	11
Баллада о точильщике и мечте	12
«В широкой степи под Ростовом...»	12
Материнское сердце	13
Дону	14
Палатная сестра	17
«В музее на Волхонке нынче праздник...»	17
«Ты кроткой нежностью вошла...»	18
«С годами ты все та же. И другая...»	18
«Ты стала женственнее, строже...»	19
«С твоей очаровательной аллеи...»	19
Чаша неба	19
Нам готовность	20
«Друзья мои — счастливые поэты...»	21
Гагарин	22
«Когда последний закруглен виток...»	23
Над Сивашом	23
«Вдалеке над лиловым закатом...»	23
«Облака бредут над Апшероном...»	24
Хрупкость	25
«Низко кланяюсь вам...»	25
Триптих	25
Белая весна	28
Круги жизни	30

**Александр Иванович
Коваль-Волков**

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 16.08.79.
Подписано к печати 12.11.79. А 00752.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Новогазетная». Высокая
печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,47.
Тираж 100 000. Изд. № 2822. Зак. № 1123.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ВЫРЕЗКИ ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ-

ИСТОЧНИК НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЛЮБУЮ ТЕМУ.

Получая тематические **ВЫРЕЗКИ ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ**, Вы постоянно будете в курсе всех новостей, связанных с Вашими интересами.

Подборки публикаций высылаются заказчику 2—3 раза в месяц.

Чтобы подписаться на вырезки из газет и журналов, нужно направить письмо с указанием темы и срока, на который Вы хотели бы подписаться, по одному из следующих адресов:

- 656015, г. Барнаул, ул. Союза Республик, 44, Алтайская крайбытсправка;
- 308800, г. Белгород, ул. Победы, 58, кв. 48, Белгородоблбытсправка;
- 690048, г. Владивосток, ул. Овчинникова, 6, Приморская крайбытсправка;
- 600011, г. Владимир, ул. III Интернационала, 19, Владимироблбытсправка;
- 400003, г. Волгоград, ул. Буханцева, 42, Волгоградоблбытсправка;
- 394018, г. Воронеж, ул. Плехановская, 27, Воронежоблбытсправка;
- 603000, г. Горький, ул. Дзержинского, 22, Горьковская облбытсправка;
- 153455, г. Иваново, ул. 10 августа, 16, Ивоблбытсправка;
- 426000, г. Ижевск, ул. К. Маркса, 269, Удмуртское республиканское объединение справочно-информационной службы;
- 350000, г. Краснодар, ул. Орджоникидзе, 31, Краснодарская крайбытсправка;
- 660049, г. Красноярск, ул. Марковского, 106, Красноярская крайбытсправка;
- 443064, г. Куйбышев, ул. Ленинградская, 77, Куйбышевская горбытсправка;
- 305000, г. Курск, Красная площадь, 6, 2-й подъезд, Курская горбытсправка;
- 398016, г. Липецк, ул. Гагарина, 76а, Липецкая облбытсправка;
- 103009, г. Москва, ул. Горького, 5/6, Мосгорсправка;
- 109088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 40, Мособлбытсправка;
- 630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 7, Новосибирская облбытсправка;
- 300000, г. Тула, Буховский пер., 10, Тульская облбытсправка;
- 450078, г. Уфа, ул. Революционная, 82, Башкирское республиканское объединение справочно-информационной службы.

Во многих городах РСФСР оформить подписку на вырезки из газет и журналов можно в справочном киоске или столе справок и услуг.

РОСБЫТРЕКЛАМА